

К. Ю. НЕФЕДОВ

О ВОЗНИКНОВЕНИИ КУЛЬТА АНТИГОНА ОДНОГЛАЗОГО

Первым в истории античного мира правителем, прижизненное культовое почитание которого зафиксировано целым рядом достоверных источников, является диадох Антигон Одноглазый (382 — 301 гг. до н. э.). Современные исследования показывают, что даже Александр Македонский при жизни не удостоивался божеских почестей в таких масштабах, как Антигон [1, р. 234 — 236, 2, р. 27 — 71; 3, р. 293 — 306; 4, р. 278-290]. Поэтому для исследования эллинистической идеологии обращение к истории культового почитания этого диадоха имеет не меньшее значение, чем изучение культа Александра.

Култ Антигона неоднократно был предметом специального исследования [1, р. 234 — 236; 5, s. 42 — 77; 6, р. 171 — 178; 7, s. 235 — 243, 257 — 269; 8, р. 138 — 164; 9, s. 163 — 175; 10, с. 59 — 68, 11, s. 45 — 59; 12, с. 12 — 15], но некоторые аспекты его истории продолжают оставаться недостаточно изученными. В частности, практически не исследован сам процесс возникновения этого культа, слабо изучена и его ранняя история (до 307 г. до н. э.). Поэтому до сих пор достаточно четко не установлено, почему культовое почитание, будучи еще при Александре довольно редким явлением, через несколько лет после его смерти начало широко распространяться на Антигона, который никогда открыто не стремился к насаждению своего культа. В данной работе предпринята попытка ответить на этот вопрос, проанализировав наиболее ранние свидетельства об учреждении культа Антигона.

Древнейшим свидетельством воздаяния божеских почестей Антигону является декрет мадоазийского полиса Скеписис от 311 г. до н. э. [13, 6]. Он был принят народным собранием этого города в ответ на письмо Антигона с сообщением о заключении мирного договора между ним и его противниками — Кассандром, Лисимахом и Птолемеем [13, 5]. По требованию Антигона, в это соглашение был внесен пункт о предоставлении его участниками гарантий «свободы и автономии» всем греческим полисам. В благодарности за заботу Антигона о том, чтобы эллины «жили в мире и были свободными и автономными», и учреждают граждане Скеписиса его культ [13, 6, стк. 5 — 17]. Кроме того, из скепсийского декрета выясняется, что Антигон уже и ранее получал сакральные почести в этом городе: в его честь здесь проводились ежегодные празднества с агонами, жертвоприношениями и торжественными шествиями [13, 6, стк. 23 — 26]. У. Келлер, первым обративший внимание на это обстоятельство, предположил, что первый раз скепсийцы воздали божеские почести Антигону еще в 314 г. до н. э., когда этот диадох в своей «тирской прокламации» впервые провозгласил «свободу и автономию» эллинов [14, 5, 1067 — 1068]. Эту датировку можно считать вполне обоснованной, так как именно «тирская прокламация» обеспечила «свободу и автономию» Скеписису, а приурочить воздаяние наивысших почестей к какому-либо иному событию во взаимоотношениях между этим полисом и Антигоном не представляется возможным [ср.: 5, s. 42 — 43].

Почему же скепсийцы придали этим почестям божественный характер, а не удовлетворились более традиционным вручением золотого венка или жертвоприношени-

ем богам «за Антигона»? По мнению У. Келлера и Х. Хабихта, граждане Скепсиса хотели таким образом выразить свою искреннюю признательность Антигону за предоставленные им «свободу и автономию» и почтить его почестями, полагавшимися ранее только героям [14, s.1067] или богам — покровителям полиса [5, s. 42 — 43]. На первый взгляд, подобное предположение выглядит весьма правдоподобным. «Тирская прокламация» Антигона явилась переломным моментом в истории взаимоотношений между полисами и правителем: впервые городам гарантировалась полная автономия во внутренних делах, они освобождались от гарнизонов и имели право вернуть себе «отеческое» государственное устройство, не обусловленное какими-либо распоряжениями «сверху» [1, p.199 — 200; 12, с. 10 — 11; 13, p. 132 — 134]. Естественно, что жители такого полиса, как Скепсис, должны были встретить подобный акт «милости» со стороны Антигона с искренним чувством благодарности и оказать ему почести, согласно греческим традициям чествования благодетелей города [16, p. 70 — 73]. Однако могли ли скепсийцы просто из чувства благодарности придать этим почестям божественный характер? Традиции воздаяния божеских почестей правителям в то время еще не существовало: единственным человеком, удостоившимся подобного почета в более или менее широких масштабах, был Александр Македонский, и его культ расценивался как исключительная, присущая только ему, степень почета. В первые полтора десятилетия после смерти Александра многие диадохи прибегали к учреждению его посмертного культа [5, s. 34 — 36; 6, p. 147 — 149; 7, s. 227 — 230] и популяризации легенд о «божественности» покойного завоевателя [6, p. 148 — 167; 17, p. 134 — 144; 18, p. 164 — 193], часто преследуя при этом чисто политические цели [16, p. 33 — 41; 18, p. 164 — 193], но никто, кроме Антигона, не присваивал божеские почести себе. Когда родосцы в 304 г. до н. э. решили впервые воздать божеские почести Птоломею, им пришлось просить разрешения на эту акцию у оракула Амона, то есть у того бога, который считался «божественным отцом» Александра [19, XX, 100, 3]. Лисимах и Селевк и после 304 г. до н. э. еще долгое время довольствовались несакральными почестями от греческих городов, изображая при этом на монетах «обожевленного» Александра [20, p. 50 — 65].

Таким образом, вряд ли стоит сомневаться в том, что в 314 г. до н.э. божеские почести расценивались не просто как изысканий способ почитания благодетеля, но как прерогатива покойного Александра Македонского. Следовательно, граждане Скепсиса должны были понимать, что почтив таким способом Антигона, они приравнивают его к самому Александру и тем самым наносят удар по престижу других диадохов и даже легитимного царя — малолетнего Александра IV. Совершенно очевидно, что на такой решительный шаг скепсийцы не могли пойти просто из чувства благодарности. Не менее очевидно, что эта акция должна была быть предварительно согласована с самим Антигоном или его людьми, так как инициаторы почестей вряд ли решились бы действовать в такой ситуации самостоятельно. Следовательно, сам Антигон был заинтересован в получении подобного почета и так или иначе дал это понять своим сторонникам в Скепсисе.

Зачем же Антигону нужны были почести, которые другие диадохи не решались получать, считая их прерогативой Александра? Ответ напрашивается сам собой: удостоившись такого почета от греков, Антигон надеялся обосновать свои притязания на место Александра в державе. Античные авторы единодушно приписывали этому диадоху подобные притязания [19, XVIII, 50, 1 — 2, 50, 5, 54, 4; XIX, 55, 4 — 56, 2; XX, 37, 4, 106, 2 — 4; XXI, 1, 1; 21, 111; XII, 22, XXVIII], и, несмотря на возражения некоторых современных исследователей [23, p. 1 — 12; 24, p. 258 — 260; 1, p. 3 — 5, 318 — 322], у нас нет оснований не доверять в этом вопросе античной традиции. Конечно, претензии на господство над остальными диадохами возникли у Антигона не сразу после смерти Александра: его ам-

биции росли постепенно, по мере роста его реального могущества, и достигли «великодержавного уровня», очевидно, только после победы над Эвменом в 316/313 г. до н. э. [25, p.187 — 195; 11, s.17 — 33; 26, p. 20 — 21]. К этому времени Антигон полностью контролировал всю азиатскую часть державы Александра с ее огромнейшими людскими и материальными ресурсами и по степени реального могущества намного превосходил всех остальных диадохов [1, p. 107 — 108; 11, s. 33 — 34]. Перспектива установления собственной власти над всей территорией державы Александра была теперь для Антигона вполне реальной, и он совершенно открыто давал это понять остальным диадохам, самовольно сменяя на своей территории легитимных сатрапов, распоряжаясь по собственному усмотрению общегосударственной казной и армией, получая «царские почести» от местного населения, и вообще, управляя большей частью державы как полновластный царь [1, p.106 — 108; 11, s. 30 — 33; 26, p. 21 — 22; 27, s. 71 — 72]. Наконец, в конце 315 г. до н. э. Антигон открыто противопоставил себя остальным диадохам, отклонив предъявленный ими ультиматум, и начал войну против коалиции Птолея, Лисимаха, Селевка и Кассандра, в ходе которой, видимо, надеялся под благовидным предлогом разгромить сразу всех своих соперников и установить контроль над всей державой Александра [28, с. 90 — 91].

Провозглашение «тирской прокламации» представляло собой почти открытую демонстрацию амбиций Антигона. Основное содержание этого документа составлял ультиматум Кассандру с требованием подчиниться приказанию Антигона как полновластного стратега и регента при малолетнем царе [26, XIX, 61]. Таким образом Антигон демонстрировал, что считает возможным отдавать от своего имени приказы другим диадохам и выносить общегосударственные решения путем личного волеизъявления [11, s. 37; 12, с. 7 — 8; 29, p. 193]. Объявив же от своего имени о предоставлении «свободы» всем греческим городам на территории державы Александра, в том числе и тем, которые находились под властью Кассандра, Лисимаха и Птолея, и разослав письма с текстом прокламации «всем городам, династам и народам», Антигон открыто присвоил себе царские prerogatives [29, p. 193, note 2; 11, s. 37]. Конечно, он еще не решается полностью приравнять свою власть к царской: официально прокламация направлена на защиту малолетнего царя, находившегося в плену у Кассандра. Но если учесть, что к 314 г. до н. э. власть Александра IV потеряла всякое реальное значение [1, p. 155 — 156], то станет ясно, что все заверения Антигона в лояльности к трону — не более чем пропагандистский приём [ср.: 29, p. 193]. В целом же, смысл прокламации был совершенно ясен: Антигон считает себя вправе распоряжаться на территории всей державы Александра и рассматривает остальных диадохов едва ли не как своих подданных.

Получая послания с текстом «тирской прокламации», жители греческих полисов должны были понимать, на что нацелены амбиции Антигона и ответить на его «милость» почестями, в которых он нуждался более всего. Именно таковыми являлись божеские почести, приравнивающие Антигона к Александру. Для таких полисов как Скепис, учреждение культа правителя в данной ситуации было, скорее, вынужденной, чем добровольной мерой, так как неожиданно получив от Антигона автономию и не ответив на этот жест подобающим образом, они рисковали потерять расположение наиболее могущественного диадоха. Что же касается Антигона, то он, несомненно, с удовлетворением принимал и всячески поощрял подобные почести, так как они являлись идеальным обоснованием его претензий на господство во всей державе Александра. Ведь за свои «благдеяния» по доброй воле эллинов он получал такой почет, которого Александру с трудом удалось добиться давлением «сверху». В результате Антигон предстал в качестве истинного благодетеля эллинов, каким и должен быть настоящий «басилевс» [16, p. 71 — 80], и в гораздо большей степени, чем сам Алек-

сандр, уподоблялся «идеальным» гомеровским царям, которые оправдывали воздаваемые им божеские почести служением народу [30, XII, 310 — 328].

В 311 г. до н. э. скепсийцы добавили к учрежденным ранее почестям алтарь, теменос и культовую статую [13, 6, стк. 19 — 23] и тем самым, по выражению Ф. Тагера, «окончательно приблизили Антигона к границе, отделяющей человека от бога» [7, s. 262]. Есть основания предполагать, что и в данном случае на решение граждан Скепсиса определенным образом повлияли властные амбиции Антигона. Договор 311 г. до н. э. официально разделил державу на три части и окончательно формализовал власть Александра IV [1, p. 131 — 135; 11, s. 41 — 44; 28, с. 99 — 101]. В результате под властью Антигона, теперь уже совершенно официально, оказалась большая часть державы Александра, и можно было не сомневаться, что имея такие возможности, он попытается утвердить свое господство над остальными диадохами. Получение новых божеских почестей в такой ситуации было бы очень желательным для Антигона, и жители Скепсиса, несомненно, это осознавали. К тому же, в своем письме Антигон настолько подробно описывал усилия, которые он приложил, и уступки, на которые он пошел ради «всеобщего мира» и «эллинской свободы» [13, 5], что становилось понятно, насколько значительные почести следует воздать Антигону в ответ. Кроме того, описывая в своем послании условия договора 311 г. до н. э., Антигон сознательно использует термины, характерные для так называемого «всеобщего мира» (*κοινή ειρήνη*) — типа международного соглашения, известного в Греции еще с 386 г. до н. э. [1, p. 190 — 196; 11, s. 44; 12, с. 9; 31, p. 163 — 164]. Инициатором и гарантом предыдущих соглашений такого рода, начиная с Анталкидова мира 386 г. до н. э., официально выступал или, по крайней мере, считался царь: вначале — Артаксеркс, затем — Филипп Македонский [32, с. 23 — 24]. Поэтому, выставляя себя чуть ли не главным организатором договора 311 г. до н. э., подчеркивая, что именно по его инициативе в соглашение внесен пункт о независимости греческих полисов (важнейшее условие *κοινή ειρήνη*) и гарантируя эллинам защиту их свободы [13, 5, стк. 5 — 44], Антигон тем самым явно стремился присвоить себе царские prerogatives. Получатели его посланий должны были обратить на это внимание и воздать Антигону соответствующие «царские почести». Возможно, именно поэтому среди почестей, возданных скепсийцами в 311 г. до н. э., оказался теменос, считавшийся еще с микенской и гомеровской эпохи важнейшим элементом почитания, оказываемого царю [33, p. 249].

Скепсис, очевидно, был далеко не единственным местом, где в 314 — 311 гг. до н. э. возник культ Антигона: послания с прокламацией 314 г. до н. э. и сообщением о заключении мира 311 г. до н. э. этот диадох разослал во все города, находившиеся под его контролем, и вполне возможно, что некоторые из них ответили Антигону подобно скепсийцам [ср.: 5, с. 43]. Однако сказать точно, где возник в это время его культ, с уверенностью нельзя. Известно только, что ещё до 306 г. до н. э. ежегодные празднества «Антигоней» были учреждены на Делосе полисами — членами Островной Лиги [34, 13]. Причиной учреждения этих празднеств считают основание Островной Лиги навархом Диоскоридом, действовавшим по приказу Антигона [35, p. 208 — 227; 36, p. 65 — 70; ср.: 5, s. 58 — 59]. Миссия Диоскориды, как сейчас доказано, имела место в 313 г. до н. э., и, очевидно, именно к этому году следует относить учреждение делосского культа Антигона. Сходство почестей со скепсийскими (празднество с агонами и жертвоприношениями), позволяет предположить, что сторонники Антигона действовали в различных городах по единой программе, а тот факт, что миссия Диоскориды являлась составной частью политики «освобождения эллинов», провозглашённой манифестом 314 г. до н. э., наводит на мысль о целенаправленном стремлении Антигона придать своему статусу «освободителя Элла-

ды» харизматический ореол с помощью божеских почестей. На Делосе также существовали алтарь и статуя Антигона, остатки которых обнаружены в результате археологических раскопок [38, р. 247 — 249, ср.: 39, р. 70 — 76, 5, s. 256]. Эти почести, возможно, как и в Скепсисе, были добавлены к празднествам в 311 г. до н. э., в ответ на послание Антигона с сообщением о заключении мира между диадохами.

Таким образом, культ Антигона возник как культ потенциального претендента на власть над всей державой Александра. Именно подход Антигона к своей роли в державе, глобальный масштаб его амбиций и политики обусловили перенесение божеских почестей с Александра на Антигона, а не на кого-либо из его соперников. Цели последних ограничивались установлением абсолютной власти в отдельных сатрапиях, и поэтому они стремились с помощью демонстрации своего преклонения перед Александром доказать свое право властвовать в отдельных частях созданной им державы. Антигон же претендовал на место самого Александра и нуждался в таких же почестях, какими чествовали основателя державы. Однако добываясь такого почета, Антигон, в отличие от Александра, никогда не прибегал к открытому давлению «сверху», а действовал через своих сторонников в полисах, умело используя при этом традиции греческого «эвергетизма». Кроме того, с помощью проведения политики «освобождения Эллады», а также активной пропаганды этой политики, Антигон стремился уподобиться восходящему еще к гомеровской эпохе идеалу «истинного басилевса», почитаемого эллинами за благодеяния. В результате божеские почести, воздаваемые Антигону, выглядели как вполне обоснованные и, главное, — исходящие исключительно «снизу», что придавало великодержавным устремлениям этого диадоха харизматический ореол и помогало ему предстать в качестве главного претендента на трон Александра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Billows R. A. *Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State.*— Berkeley; Los-Angeles; London, 1990.
2. Badian E. *The Deification of Alexander the Great // Ancient Macedonian Studies in the Honor of C. F. Edson.* — Thessaloniki. 1981.
3. Cawkwell G. L. *The Deification of Alexander The Great: A Note // Ventures in Greek History: Dedicated to N. G. L. Hammond.*— Oxford, 1994.
4. Bosworth A. B. *Conquest and Empire: The Reign of Alexander The Great.*— Cambridge, 1993.
5. Habicht C. *Gottmenschen und griechische Städten.*— Munchen, 1970.
6. Cerfaux L., Tondriau J. *Un concurrent du christianisme: Le culte des souverains dans la civilisation Greco — Romaine.*— Tournai, 1957.
7. Taeger F. *Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes.*— Stuttgart. — Bd. 1.— 1957.
8. Scott K. *The Deification of Demetrius Poliorketes // AJPh.*—1928.— V.49.— № 2.
9. Kertesz J. *Bemerkungen zum Kult des Demetrios Poliorketes // Oikumene.*— 1978.— Bd. 2.
10. Самохина Г. С. Афины и ранние Антигоныды (К вопросу об эволюции культа правителя в раннеэллинистический период) // *Античная гражданская община: Проблемы социально-политического развития и идеологии.*— Л., 1986.
11. Müller O. *Antigonos Monophtalamos und «das Jahr der Könige».*— Bonn, 1973.
12. Самохина Г. С. *Держава первых Антигоныдов. Автореф. дис... канд. ист. наук.*— Л., 1976.
13. *Oriens Graeci Inscriptiones Selectae / Ed. G. Dittenberger.*— V.1.— Lipsia, 1903.
14. Köhler U. *Über die Correspondenz zwischen dem asiatischen Herrscher Antigonos und der Stadtgemeinde der Skepsier auf dem Jahre 311 v. Chr. // SPAW.*— 1901.— Bd. 2.

15. Gruen E. S. *The Hellenistic World and Coming of Rome*.— V. 1.— Berkley, 1984.
16. Billows R. A. *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*.— Leiden; New York; Koln, 1995.
17. Nock A. D. *Essays on Religion and the Ancient World*.— V. 1.— Cambridge, 1972.
18. Merkelbach R. *Die Quellen des Griechischen Alexanderromans*.— München, 1977
19. Diodorus Siculus. *Bibliotheca Historica*.— V.3.— Lipsia, 1853. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека / Пер. И. Алексеева.— Т. 1- 6.— СПб., 1774-1775.
20. Hadley R. A. *Royal Propaganda of Seleucus I and Lysimachus*// JHS.— 1974.— V. 94.
21. Plutarchus. *Eumenes*// *Plutarchi Vitae Paralelae*.— V. 6.— Lipsia, 1870. Плутарх. Эвмен / Пер. Л. А. Фрейберг // Плутарх. Сравнительные жизнеописания.— Т. 2.— М., 1963.
22. Plutarchus. *Demetrius*// *Plutarchi Vitae Paralelae*.— V. 9.— Lipsia, 1875. Плутарх. Деметрий / Пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания.— Т. 3.— М., 1964.
23. Wehrli C. *Antigone et Demetrius*.— Geneva, 1968.
24. Gruen E. S. *The Coronation of the Diadochoi*// *The Craft of the Ancient Historian: Essays in Honor of Chester G. Starr*.— Lanham, 1985.
25. Cloche P. *Remarques sur les etapes de l'ambition d'Antigone 1er jusqu'en 316 av. J.C.*// *Melanges d'archeologie et d'histoire offerts a Charles Picard*.— V. 1.— Paris, 1949.
26. Green P. *Alexander to Actium: The Historical Evolution of the Hellenistic Age*.— Berkeley, 1993.
27. Bengtson H. *Die Diadochen. Die Nachfolger Alexander des Grossen*.— Munchen, 1987.
28. Шофман А. С. *Распад империи Александра Македонского*.— Казань, 1984.
29. Hammond N. G. L, Walbank F. A *History of Macedonia*.— V. 3.— Oxford, 1988.
30. Homer. *Illiada*.— V. 2.— Lipsia, 1840. Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича.— М., 1960.
31. Ryder T. *Koine Eirene*.— Oxford, 1965.
32. Гребенский Н. Н. *ΚΟΙΝΗ ΕΙΡΗΝΗ и федеративное движение в Греции* // Из истории античного общества.— Вып. 1.— Горький, 1975.
33. Preaux C. *Le Monde Hellenistique*.— V. 1.— Paris, 1978.
34. Dürrbach F. *Choix descriptions de Delos*.— Paris, 1920.
35. Dürrbach F. *ANTIGONEIA — ΔΗΜΗΤΡΕΙΑ: Les origines de la Confederation des Insulaires*// BCH.— 1907.— V. 31.
36. Merker I. L. *The Ptolemaic Officials and the League of Islanders*// *Historia*.— 1970.— V. 19.— № 2.
37. Buraselis K. *Das hellenistische Makedonien und die Ägais*.— München, 1982.
38. Vallois R. *Topographie Delienne II*// BCH.— 1929.— V. 53.
39. Will E. *Le Dodekatheon*.— Paris, 1955.

SUMMARY

The article deals with the rise of cult of Alexander the Great's successor Antigonos the One-Eyed. The author has analysed the early epigraphic evidence about the cult of Antigonos and has concluded that this cult was not only a honouring of great benefactor of Greeks, as many scholars consider, but it was a cult of main claimant to the domination over the all Alexander's Empire. When Ptolemy I, Seleukos I and Lysimachus tried to legitimate their ambitions to rule over the separated parts of Empire in the way of spreading the posthumous cult of Alexander, Antigonous, having claims to rule over the all Empire, took care of cultic honours for himself. However Antigonous didn't forced the Greeks to bestow divine honours to him, but tried to receive this honours by means of benefactions and the policy of freeing the Greeks.

